

Вопросы правоприменительной практики по расследованию мошенничества в сфере предпринимательской деятельности

Р. ГИБАДУЛЛИН

Охрана экономических отношений от преступных посягательств всегда являлась одной из приоритетных задач государства. В последние годы, кроме традиционных проблем недостаточного обеспечения прав потерпевших и возмещения причиненного им ущерба, актуализировался еще и вопрос необходимости защиты представителей бизнеса, участвующих в экономических отношениях.

Итогом проводимой государством либерализации и гуманизации законодательства, регулирующего правоотношения в сфере предпринимательской деятельности, стали значительные изменения в уголовно-процессуальном и уголовном законодательстве, в частности, введение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ запрета избрания в качестве меры пресечения заключение под стражу лицам, совершившим преступления в сфере предпринимательской деятельности, а также в Уголовный кодекс РФ специального вида мошенничества, сопряженного с указанной сферой (ст. 159.4 УК РФ).

Поясняя свою законодательную инициативу, Верховный Суд РФ отметил, что «...конкретизация в УК РФ составов мошенничества в зависимости от сферы правоотношений, в которой они совершаются, снизит число ошибок и злоупотреблений во время возбуждения уголовных дел о мошенничестве, будет способствовать повышению качества работы по выявлению и расследованию таких преступлений, правильной квалификации содеянного органами предварительного расследования и судом, более четкому отграничению уголовно наказуемых деяний от гражданско-правовых отношений» [3].

Результаты правоприменительной деятельности за время действия дифференциации уголовной ответственности за мошенничество,

а также практика работы Уполномоченного по защите прав предпринимателей в РБ показала, что применение специальных норм Федерального закона от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], реструктурировавшего уголовную ответственность за мошенничество, затруднено в связи с отсутствием конкретизации и возможности определить приоритет конкурирующих норм. Декларированная идея помощи правоприменителям на практике породила еще больше вопросов и ошибок при квалификации и определении признаков мошенничества.

В последнее время увеличивается количество обращений субъектов малого и среднего бизнеса к Уполномоченному по защите прав предпринимателей в Республике Башкортостан, связанных с переводом корпоративных споров в уголовное преследование с использованием мер пресечения в целях оказания давления на конкурента. В практике правозащитной деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Башкортостан имели место случаи, когда после его вмешательства были вынесены оправдательные приговоры в отношении ряда предпринимателей, однако за время следствия и судебных разбирательств, длившихся по несколько лет, бизнес предпринимателя разорился, деловая репутация оказалась «запятнанной».

Анализ обращений показывает, что нарушению прав предпринимателей нередко способствуют пробелы в уголовно-правовом законодательстве: это и отсутствие критериев отличий гражданско-правового деликта от признаков уголовно наказуемого деяния, различного

толкования ст. 90 УПК РФ «преюдиция», и отсутствие четких определений предпринимательской деятельности, что создает условия для возникновения коррупционных рисков.

Демонстрацией этого может быть дело предпринимателя М., который осуществлял деятельность в сфере негосударственного пенсионного страхования. При возбуждении против него уголовного дела сумма ущерба была намного меньше, чем доход, полученный им от самой деятельности. Предприниматель, защищая свои права, направил более 300 жалоб в различные государственные инстанции. На них он получил 241 ответ. Однако большинство из них оказались практически аналогичного содержания и не в пользу предпринимателя.

Другим примером может служить деятельность предпринимателя Ф. по строительству жилого дома в городе Уфе. Многочисленные административные барьеры, в том числе оформление разрешительной документации, которые предприниматель был вынужден получать на протяжении четырех лет, послужили основной причиной затягивания строительства дома. Этот факт, собственно, и стал поводом для возбуждения уголовного дела. После вынесения первого обвинительного приговора началось повторное уголовное преследование по тому же периоду, объекту, деянию, но изменились только имена потерпевших, в отношении которых первоначально в возбуждении уголовного дела правоохранительные органы отказали. На фоне этого предприниматель возвратил дольщикам деньги, не стал скрываться и переводить свои долги на несуществующих лиц, как это сделали до него многие другие. С целью возмещения ущерба судебные приставы реализовали имущество предпринимателя, но по стоимости в четыре раза ниже рыночной, и это не позволило закрыть все долги. В результате человек оказался осужденным на пять лет.

Не менее характерным примером несовершенства в практике применения правовых норм по отношению к представителям бизнеса является следующий случай. В 2015 г. в г. Кумертау по факту спора о качестве выполненных работ между заказчиком и подрядчиком на сумму 1,5

млн рублей, по заявлению подрядчика, без предварительной претензионной работы было возбуждено уголовное дело по ст. 159 ч. 4 УК РФ в отношении генерального директора ООО «С.», которому избрана мера пресечения – подписка о невыезде, и это при том, что велась инвестиционная деятельность по строительству комбината. Строительная экспертиза не была своевременно завершена, бухгалтерские документы предпринимателю не возвращены. Комбинат понес финансовые убытки, в результате чего в течение 2015 года количество работников сократилось с 200 до 70 человек. В итоге кредиторы подали на банкротство и работа предприятия была парализована.

С сожалением можно констатировать, что «обвинительный уклон» в правоприменительной практике в отношении дел, фигурантами которых становятся предприниматели, остается очень сильным. Продолжают действовать стереотипы – «каждое уголовное дело в обязательном порядке должно дойти до суда, а в суде в обязательном порядке должен быть вынесен обвинительный приговор». Во многом этими стереотипами определяется желание найти «мошенничество» по гражданско-правовым делам.

Федеральным законом от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты РФ» (далее – Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ) введены изменения уголовного законодательства, направленные на дифференциацию ответственности за различные виды мошенничества, в том числе в сфере предпринимательской деятельности. Так, Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 159.4 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста

и залога» [2] преступления, предусмотренные статьями 159–159.6, 160 и 165 УК РФ, следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской деятельности, осуществляемой юридическим лицом, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью.

Таким образом, следует четко разграничивать гражданские и уголовные правоотношения на основе определения наличия в материалах достаточных данных, указывающих на фактическое осуществление предпринимательской деятельности. Основным критерием отсутствия факта указанной деятельности является доказанность возникновения умысла на неисполнение договорных обязательств до заключения гражданско-правовой сделки. То есть если лицо, зарегистрированное в качестве предпринимателя либо выполняющее управленческие функции юридического лица, заключив на законных основаниях гражданско-правовой договор, не исполнило свои обязательства, то критерием отнесения его действий, подпадающим под ч. 3 ст. 159 УК РФ, будет являться доказанность факта отсутствия намерений «предпринимателя» изначально, до заключения сделки, исполнять свои гражданско-правовые обязанности. В данном случае, по нашему мнению, деятельность лица не может быть отнесена к предпринимательской, так как не основана на законе и целью такой деятельности является не извлечение прибыли законным способом, а хищение денежных средств либо иного имущества под видом осуществления предпринимательской деятельности.

В ситуациях, когда умысел лица на неисполнение договорных обязательств возникает после заключения сделки либо во время ее реализации, действия лица не подпадают под признаки мошенничества и относятся к компетенции гражданско-правового регулирования либо квалифицируются по иным составам уголовного законодательства, в зависимости от обстоятельств неисполнения условий сделки.

Так, приговором Советского районного суда г. Уфы оправдана индивидуальный предприниматель Н., которая обвинялась в хищении чужого имущества в особо крупном размере путем оформления подложных документов займа в ОАО «УФ» на сумму 11 млн руб. и займ в установленный срок не вернула. В судебном заседании доказательств наличия умысла Н. в неисполнении условий договора до заключения сделки не получено, судом установлено наличие сделки между двумя хозяйствующими субъектами, что подтверждается вступившим в законную силу решением Арбитражного суда Республики Башкортостан по иску ОАО «УФ».

В случае недоказанности преднамеренности хищения, то есть отсутствия элемента обмана при заключении сделки, содеянное должно квалифицироваться не по ст. 159 УК РФ, а по иным статьям Уголовного кодекса РФ, например, в случае вывода активов предприятия при наличии признаков неплатежеспособности, действия виновных должны квалифицироваться по ст. 195 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве), при совершении сделок, послуживших причиной неплатежеспособности юридического лица, содеянное может квалифицироваться в соответствии со ст. 196 УК РФ (преднамеренное банкротство) либо по ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями), при неисполнении договорных обязательств без фактического изъятия и обращения в свою пользу имущества потерпевших и причинения им ущерба в виде упущенной выгоды, содеянное может квалифицироваться по ст. 165 УК РФ (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием).

Однако не всегда уголовное преследование «предпринимателей» способствует решению задач уголовного судопроизводства по охране собственности граждан и возмещению причиненного им преступлением ущерба. Как показывает практика, обвинительный приговор суда в отношении руководителей фирм-застройщиков далеко не всегда может решить проблемы обманутых дольщиков. Это связано с тем, что в уголовных делах гражданские иски предъявляются к физическому, а не к юридическому лицу, которое

могло бы продолжить дальнейшую деятельность и возмещать причиненный ущерб.

Следует отметить, что судебная практика Республики Башкортостан в рассматриваемом аспекте является сравнительно новой и не имеет долговременной традиции. При этом в ней отсутствует единый подход к определению четких критериев разграничения конкурирующих общей и специальной нормы мошенничества. Районными, городскими судами Республики Башкортостан рассмотрено только два уголовных дела по ст. 159.4 УК РФ в отношении двух лиц и переквалифицированы действия подсудимых со ст. 159 УК РФ на ст. 159.4 УК РФ по 4 уголовным делам. Анализ судебной практики показывает, что переквалификация действий подсудимых на менее тяжкую ст. 159.4 УК РФ производилась в основном по уголовным делам, связанным с неисполнением обязательств в сфере долевого строительства многоквартирных жилых домов.

В связи с социальной значимостью возбуждение таких уголовных дел происходит не в результате реализации оперативных материалов, содержащих сведения о наличии признаков уголовно наказуемого деяния, а по заявлениям пострадавших граждан, без проведения полной проверки с назначением соответствующих экспертиз. В связи с этим раскрытие механизма вывода денежных средств и активов недобросовестных застройщиков на иные, не связанные со строительством цели, производится в ходе следствия путем назначения многочисленных судебных экспертиз, а не оперативным путем, что приводит к затяжному характеру следствия. По причине истечения значительного времени с момента совершения преступлений до массового поступления заявлений от пострадавших инвесторов долевого строительства и последующего возбуждения уголовного дела восполнить пробелы в доказательственной цепочке порой не представляется возможным ни в ходе предварительного расследования, ни в ходе судебного разбирательства. Таким образом, можно предположить, что вместо вынесения оправдательных приговоров либо возвращения уголовных дел прокурору некоторые судьи переквалифицируют содеянное на ст. 159.4 УК РФ.

Отдельному рассмотрению подлежит вопрос нарушений прав и законных интересов предпринимателей в сфере экономической деятельности путем проведения оперативно-розыскных мероприятий без достаточных оснований. Так, одно из успешно действующих производственных предприятий республики в 2015 г. подверглось проверке в рамках оперативно-розыскной деятельности, причем по основаниям «действия, представляющие угрозу экономической безопасности», в ходе которой была изъята вся бухгалтерская документация. И только после вмешательства Уполномоченного по защите прав предпринимателей в РБ и прокуратуры были возвращены документы, принесены извинения. Однако упущенная выгода предприятия составила 50 млн руб.

В то же время оперативно-розыскные мероприятия, проведенные в рамках закона, крайне важны, поскольку способствуют разграничению хищений, сопряженных с предпринимательской деятельностью от уголовно наказуемых деяний, совершенных с использованием ее отдельных элементов, то есть имитации ведения бизнеса. По нашему убеждению, классическим мошенничеством является деятельность «предпринимателей», изначально направленная на хищение имущества юридических либо физических лиц, то есть не соответствующая целям предпринимательской деятельности. По ст. 159.4 УК РФ должны квалифицироваться действия лица, являющегося субъектом предпринимательской деятельности, в случаях, если им преднамеренно не исполнены обязательства некоторых из множества заключенных сделок.

В настоящее время на уровне руководства страны говорят о разрушительных последствиях для бизнеса как вторжения в хозяйственную деятельность, так и коррупционного давления, об усилении ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, а также о незаконном вмешательстве в нее с использованием уголовного права. В связи с этим считаем, что специальная норма мошенничества в сфере предпринимательской деятельности необходима.

Расширение правоприменения ст. 159.4 УК РФ даст импульс развитию уголовного права в стране, позволит реализовать принципы соразмерности наказания и состязательности сторон в уголовном процессе, а также в целом повысит уровень доверия общества к правоохранительной системе.

Литература

1. О внесении изменений в уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>

2. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума ВАС РФ от 19.12.2013 № 41 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/

3. Пояснительная записка к законопроекту от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и иные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>